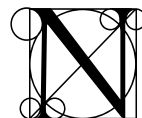

АНДРЕ МОРУА

ПИСЬМА НЕЗНАКОМКЕ

*АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-6
ББК 84(4Фра)-4
М80

Серия «Эксклюзивная классика»

André Maurois
LETTRES A L'INCONNUE

Перевод с французского *Я. Лесюка*

Компьютерный дизайн *Е. Фerez*

Печатается с разрешения наследников автора
при содействии литературного агентства
Анастасии Лестер.

Моруа, Андре.

М80 Письма незнакомке : [роман] / Андре Моруа ; [пер. с фр. Я. Лесюка]. — Москва : АСТ, 2015. — 224 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-086728-8

В «Письмах незнакомке» (1956) Моруа раздумывает над поведением и нравами людей, взаимоотношениями мужчин и женщин, приемами обольщения, над тем, почему браки оказываются счастливыми, почему случаются разводы и угасают чувства. Автор обращает свои письма к женщине, но кто она — остается загадкой для читателя. Случайно увиденный женский силуэт в театральном партере, мелькнувшая где-то в сутолоке дня прекрасная дама — так появилась в воображении Моруа Незнакомка, которую писатель наставляет, учит жизни, слегка воспитывает. Очень многому эти письма могут научить и нас, читателей XXI века, — они будут полезны не только женщинам, ищущим опору в этой жизни, но и мужчинам, так часто не понимающим логику поведения и психологию представительниц прекрасного пола.

УДК 821.133.1-6
ББК 84(4Фра)-4

© Héritiers André Maurois,
Anne-Mary Charrier, Marseille,
France, 2006

© Перевод. Я. Лесюк, 2015

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086728-8

ПИСЬМА НЕЗНАКОМКЕ

Вы существуете, и вместе с тем вас нет. Когда один мой друг предложил мне писать вам раз в неделю, я мысленно нарисовал себе ваш образ. Я создал вас прекрасной — и лицом, и разумом. Я знал: вы не замедлите возникнуть живой из грез моих и станете читать мои послания, и отвечать на них, и говорить мне все, что жаждет услышать автор.

С первого же дня я придал вам определенный облик — облик редкостно красивой и юной женщины, которую я увидал в театре. Нет, не на сцене — в зале. Никто из тех, кто был со мною рядом, не знал ее. С тех пор вы обрели глаза и губы, голос и стать, но, как и подобает, по-прежнему остались Незнакомкой.

В печати появились два-три моих письма, и я, как ожидал, стал получать от вас ответы. Здесь «вы» — лицо собирательное. Вас много разных незнакомок: одна — наивная, другая — вздорная, а третья — шалунья и насмешница. Мне не терпе-

лось затеять с вами переписку, однако я удержался: вам надлежало оставаться всеми, нельзя было, чтоб вы стали одной.

Вы укоряете меня за сдержанность, за мой неизменный сентиментальный морализм. Но что поделаешь? И самый терпеливый из людей пребудет верным незнакомке лишь при том условии, что однажды она откроется ему. Мериме довольно быстро узнал о том, что его незнакомку зовут Женни Дакен, и вскоре ему позволили поцеловать ее прелестные ножки. Да, наш кумир должен иметь и ножки, и все остальное, ибо мы устаем от созерцания бестелесной богини.

Я обещал, что стану продолжать эту игру до той поры, пока буду черпать в ней удовольствие. Прошло больше года, я поставил точку в нашей переписке, возражений не последовало. Воображаемый разрыв совсем не труден. Я сохраню о вас чудесное, незамутненное воспоминание. Прощайте.

А. М.

ОБ ОДНОЙ ВСТРЕЧЕ

В тот вечер я был не один в «Комеди Франсез». «Давали всего-навсего Мольера», но с большим успехом. Владычица Ирана от души смеялась; Робер Кемп, казалось, блаженствовал; Поль Леото притягивал к себе взоры.

Сидевшая рядом с нами дама шепнула мужу: «Скажу по телефону тетушке Клемансе, что видела Леото, она обрадуется».

Вы сидели впереди, закутавшись в песцовые меха, и, как во времена Мюссе, покачивалась предо мною подобранная «черная коса на дивной гибкой шее». В антракте вы нагнулись к подруге и оживленно спросили: «Как стать любимой?» Мне в свой черед захотелось нагнуться к вам и ответить словами одного из современников Мольера: «Чтобы понравиться другим, нужно говорить с ними о том, что приятно им и что занимает их, уклоняться от споров о предметах маловажных, редко задавать вопросы и ни в коем

случае не дать им заподозрить, что можно быть разумней, чем они».

Вот советы человека, знавшего людей! Да, если мы хотим, чтобы нас любили, нужно говорить с другими не о том, что занимает *нас*, а о том, что занимает *их*. А что занимает их? Они же сами. Мы никогда не наскучим женщине, коль станем говорить с нею о ее нраве и красоте, коль будем расспрашивать ее о детстве, о вкусах, о том, что ее печалит. Вы также никогда не наскучите мужчине, если попросите его рассказывать о себе самом. Сколько женщин снискали себе славу искусных слушательниц! Впрочем, и слушать-то нет нужды, достаточно лишь делать вид, будто слушаешь.

«Уклоняться от споров о предметах маловажных». Доводы, излагаемые резким тоном, выводят собеседника из себя. Особенно когда правда на вашей стороне. «Всякое дельное замечание задевает», — говорил Стендаль. Вашему собеседнику, возможно, и придется признать неопровержимость ваших доводов, но он вам этого не простит вовеки. В любви мужчина стремится не к войне, а к миру. Блаженны нежные и кроткие женщины, их будут любить сильнее. Ничто так не выводит мужчину из себя, как агрессивность женщины. Амазонок обожают, но не обожают.

Другой, вполне достойный способ понравиться — лестно отзываться о людях. Если им это пе-

рескажут, это доставит им удовольствие и они в ответ почувствуют к вам расположение.

— Не по душе мне госпожа де... — говорил некто.

— Как жаль! А она-то находит вас просто обворожительным и говорит об этом каждому встречному.

— Неужели?.. Выходит, я заблуждался на ее счет.

Верно и обратное. Одна язвительная фраза, к тому же пересказанная недоброжелательно, порождает злейших врагов. «Если бы все мы знали все то, что говорится обо всех нас, никто ни с кем бы не разговаривал». Беда в том, что рано или поздно все узнают то, что все говорят обо всех.

Возвратимся к Ларошфуко: «Ни в коем случае не дать им заподозрить, что можно быть разумней, чем они». Разве нельзя одновременно и любить, и восхищаться кем-то? Разумеется, можно, но только если он не выражает свое превосходство с высокомерием и оно уравнивается небольшими слабостями, позволяющими другим в свой черед как бы покровительствовать ему. Самый умный человек из тех, кого я знал, Поль Вальери, весьма непринужденно выказывал свой ум. Он облакал глубокие мысли в шутливую форму; ему были присущи и ребячество, и милые проказы, что делало его необыкновенно обаятельным. Другой умнейший человек и серьезен, и важен,

а все же забавляет друзей своей неосознанной кичливостью, рассеянностью или причудами. Ему прощают то, что он талантлив, потому, что он бывает смешон; и вам простят то, что вы красивы, потому, что вы держитесь просто. Женщина никогда не надоест даже великому человеку, если будет помнить, что он тоже человек.

Как же стать любимой? Давая тем, кого хотите пленить, веские основания быть довольными собой. Любовь начинается с радостного ощущения собственной силы, сочетающегося со счастьем другого человека. Нравиться — значит и даровать, и принимать. Вот что, незнакомка души моей (как говорят испанцы), хотелось бы мне вам ответить. Присовокуплю еще один — последний — совет, его дал Мериме *своей* незнакомке: «Никогда не говорите о себе ничего дурного. Это сделают ваши друзья». Прощайте.

О ПРЕДЕЛАХ НЕЖНОСТИ

Поль Валери превосходно рассуждал о многом, и в частности о любви; ему нравилось толковать о страстях, пользуясь математическими терминами: он вполне резонно считал, что контраст между точностью выражений и неуловимостью чувств порождает волнующее несоответствие. Особенно пришлась мне по вкусу одна его формула, которую я окрестил теоремой Валери: «Количество нежности, излучаемой и поглощаемой каждодневно, имеет предел».

Иначе говоря, ни один человек не способен жить весь день, а уж тем более недели или годы в атмосфере нежной страсти. Все утомляет, даже то, что тебя любят. Эту истину полезно напоминать, ибо многие молодые люди, равно как и старики, о ней, видимо, и не подозревают. Женщина упивается первыми восторгами любви; ее переполняет радость, когда ей с утра до вечера твердят, как она хороша собой, как остроумна, какое бла-

женство обладать ею, как чудесны ее речи; она вторит этим славословиям и уверяет своего партнера, что он — самый лучший и умный мужчина на свете, несравненный любовник, замечательный собеседник. И тому и другому это куда как приятно. Но что дальше? Возможности языка не безграничны. «Поначалу влюбленным легко разговаривать друг с другом... — заметил англичанин Стивенсон. — Я — это я, ты — это ты, а все другие не представляют интереса».

Можно на сто ладов повторять: «Я — это я, ты — это ты». Но не на сто тысяч! А впереди — бесконечная вереница дней.

— Как называется такой брачный союз, когда мужчина довольствуется одной женщиной? — спросил у американской студентки некий экзаменатор.

— Монотонный, — ответила она.

Дабы моногамия не обернулась монотонностью, нужно зорко следить за тем, чтобы нежность и формы ее выражения чередовались с чем-то иным. Любовную чету должны освежать «ветры с моря»: общение с другими людьми, общий труд, зрелища. Похвала трогает, рождаясь как бы невзначай, произвольно — из взаимопонимания, разделенного удовольствия; становясь непрямым обрядом, она приедается.

У Октава Мирбо есть новелла, написанная в форме диалога двух влюбленных, которые каж-

дый вечер встречаются в парке при свете луны. Чувствительный любовник шепчет голосом, еще более нежным, чем лунная ночь: «Взгляните... Вот та скамейка, о любезная скамейка!» Возлюбленная в отчаянии вздыхает: «Опять эта скамейка!» Будем же остерегаться скамеек, превратившихся в места для поклонения. Нежные слова, появившиеся и изливающиеся в самый момент проявления чувств, — прелестны. Нежность в затверженных выражениях раздражает.

Женщина агрессивная и всем недовольная быстро надоедает мужчине; но и женщина невзыскательная, простодушно всем восторгающаяся не надолго сохранит свою власть над ним. Противоречие? Разумеется. Человек соткан из противоречий. То прилив, то отлив. «Он осужден постоянно переходить от судорог тревоги к оцепенению скуки», — говорит Вольтер. Так уж созданы многие представители рода человеческого, что они легко привыкают быть любимыми и не слишком дорожат чувством, в котором чересчур уверены.

Одна женщина сомневалась в чувствах мужчины и сосредоточила на нем все свои помыслы. Неожиданно она узнает, что он отвечает ей взаимностью. Она счастлива, но, повторяй он сутки напролет, что она — совершенство, ей, пожалуй, и надоест. Другой мужчина, не столь покладистый, возбуждает ее любопытство. Я знавал молоденькую девицу, которая с удовольствием пела пе-

ред гостями; она была очень хороша собой, и потому все превозносили ее до небес. Только один юноша хранил молчание.

— Ну а вы? — не выдержала она наконец. — Вам не нравится, как я пою?

— О, напротив! — ответил он. — Будь у вас еще и голос, это было бы просто замечательно.

Вот за него-то она и вышла замуж. Прощайте.

О НЕИЗМЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЧУВСТВ

Я вновь в театре; на этот раз, увы, вас там нет. Я огорчен за себя и за вас. Мне хочется крикнуть: «Браво, Руссен, вот славная комедия!» Одна сцена особенно позабавила публику. Некий юноша наградил ребенком секретаршу своего отца. У него ни положения, ни денег, она же умница и сама зарабатывает себе на жизнь. Он делает ей предложение и получает отказ. И тогда мать молодого отца горько жалуется: «Бедный мой мальчик, она его обольстила и бросила... Скомпрометировала и отказывается покрыть грех!»

Классическая ситуация наизуворот. Но ведь в наши дни экономические взаимоотношения обоих полов частенько, так сказать, вывернуты наизнанку. Женщины зарабатывают гораздо больше, чем в прошлом. Они меньше зависят от желаний и прихотей мужчин. Во времена Бальзака лучше замужества трудно было что-то придумать, во времена Руссе-

на — это еще вопрос. В «Непорочной» Филиппа Эриа юная девушка обращается к науке с просьбой помочь ей родить ребенка без помощи мужчины.

В действительности наука еще бессильна исполнить это необычное желание, хотя биологи уже приступили к весьма странным и опасным экспериментам. В своей книге «Прекрасный новый мир» Олдос Хаксли попробовал нарисовать, как именно будет появляться на свет потомство через сто лет. В этом лучшем из миров естественное зачатие исключается. Хирурги удаляют женщине яичники, они хранятся в надлежащей среде и по-прежнему вырабатывают яйцеклетки, оплодотворяемые осеменением. Один яичник может дать жизнь шестнадцати тысячам братьев и сестер — группами по девяносто шесть близнецов.

Любовь? Привязанность? Романтика отношений? Правители лучшего из миров испытывают глубокое презрение к этому обветшалому хламу. Им жаль бедняг из XX века, у которых были отцы, матери, мужья, возлюбленные. По их мнению, нечего удивляться, что люди прошлого были безумцами, злобными и ничтожными. Семья, страсти, соперничество приводили к столкновениям, к комплексам. Предки-горемыки волей-неволей все глубоко переживали, а постоянная острота чувств мешала им сохранять душевное равновесие. «Безликость, Похожесть, Невозмутимость» — вот триединый девиз мира, где нет любви.

К счастью, это всего лишь фантазия, и человечество не идет по этому пути. Человечество вообще изменяется куда меньше, чем думают. Оно как море: на поверхности бурлит, волнуется, но сто́ит погрузиться в пучину людских душ — и налицо неизменность важнейших человеческих чувств.

Что поет наша молодежь? Песню Превера и Косма: «Когда ты думаешь, когда ты полагаешь, что молодость твоя продлится вечно, о девочка, ты заблуждаешься жестоко!..» Откуда пришла эта тема? Из стихотворения Ронсара, которому уже четыре века:

Вкушайте юности услады!
Не ждите в старости отрады:
Краса поблекнет, как цветок.*

Почти все мотивы поэтов Плеяды или, скажем, Мюссе все еще звучат и сегодня; на их основе можно было бы сочинить немало песен на любой вкус для Сен-Жермен-де-Пре. Поиграйте-ка в эту игру: она проста, занята и пойдет вам на пользу. Незнакомка *de mi alma*** , вам следует на что-то решиться. Надменная секретарша из пьесы Руссена в конце концов выходит замуж за свою «жертву», а вы — все еще копия своих сестер из XVI столетия. Прощайте.

* Ронсар. «К Кассандре».

** Души моей (*исп.*).